



Некоторые тезисы к логике политического требования

Ермаков Сергей

*Независимый исследователь,
переводчик, магистр филологии,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: yermakovsa@gmail.com*

Некоторые тезисы к логике политического требования

Аннотация

Работа посвящена понятию требования, рассматриваемого как базовый политический речевой акт. Констатируется кризис, в котором требующая речь, а значит и политическая речь в целом, пребывает в последние десятилетия.

Демонстрируются лингвистико-прагматические свойства требования, особенности его политического функционирования, в частности то, что требование является «слабым» перформативным актом, который сам по себе не совершается в момент своего «озвучивания». Требование рассматривается как главное связующее звено между политическими речью и действием. Предлагается понятие «почти-невозможного» в качестве базовой модальности для освободительной политики. Приводятся наброски карты будущих исследований в данном направлении.

Ключевые слова

Требование, теория речевых актов, призыв, политическая речь, политическая борьба, политика освобождения

1. Кризис требования. В 2011 году Жан-Клод Мильнер поставил следующий диагноз последним десятилетиям: политика и политическая речь стали просто дискуссией «тех, кто не принимает решения, но кто говорит, имитируя своей речью тех, кто решения принимает»¹. Спустя десять лет, даже после всех массовых движений и народных волнений и бунтов 2010-х годов — или их симуляций и пародий — этот диагноз можно лишь подтвердить. Хабермасовский рай коммуникации в определенном смысле наступил, публичный разум² благодаря соцсетям, гуманитарным факультетам и интеллектуальным издательствам работает на полную мощность, только они ни на что не влияют.

Со стороны *собственно* политической, активистской мысли диагнозом будет кризис *самой идеи* не-государственной политической организации — кризис, непрерывно длящийся с начала 1980-х годов (в качестве отправной точки можно взять арест лидеров т. н. «второго поколения» «Фракции Красной Армии»), однако кризис политики организаций, начавшийся в это время, является сложно детерминированным процессом³).

На пересечении этих двух кризисов, возможно являясь их центральной точкой, находится *кризис политического требования*.

В первой, приближенной и грубой формулировке он выражается в том, что считающие себя «политически активными» люди часто не осознают центральную роль требования в политике, что они не учитывают принципы и процессы требования, что люди боятся требовать или просто «озвучивают требования», *в действительности не требуя*. Суммируя в одной формулировке: *требование все чаще сводится к своему озвучиванию*. Поэтому серьезные требования, как правило, оказываются безуспешными, но из провалов требования не делается никаких выводов, а невыполненность требования люди не могут обернуть в свою пользу, что приводит к апатии и к еще большему ощущению беспомощности. Именно неспособность требовать или отказ от требования — *а не одно лишь* невыполнение требований властями и господствующими классами — имеют катастрофические последствия для политики.

¹ См. небольшую, но глубокую книгу: Milner 2011: 64–66 и след.

² В том смысле, в котором это понятие разрабатывал Джон Ролз.

³ На него повлияли и влияют как чрезвычайный рост технических возможностей наблюдения и контроля со стороны государства, так и внутренние для политической мысли противоречия. Образцовый анализ последних — демонстрирующий, как организационная мысль европейских радикальных левых погрузилась в кризис по мере того, как стали проблематичными ее привязки к пост-партийной идее «движения», см. в «Антропологии имени» С. Лазарюса (Lazarus 1996: 19–32).

Почему кризис требования следует считать *не просто* симптомом, не просто «языковым следствием» неких более глубоких «базисных» процессов, хотя материальные причины у него несомненно есть и сам он совершенно материален?

Во-первых, потому что требование, как мы покажем, является уникальным иллокутивным актом, соединяющим *lógoi* и *érga*, слова и дела, причем соединяющим совершенно иначе, чем это делает обычный перформатив, который, согласно принятой теории, *сам* совершает действие, или любой другой речевой акт, оказывающий определенное (т. н. перлокутивное) воздействие.

Во-вторых, потому что требование — это не просто акт высказывания некоторого предсуществующего ему субъекта: напротив, требование этого субъекта *и призывает, и во многих смыслах учреждает и поддерживает*, этот субъект «заявляет о себе», т. е. вступает в политическое бытие, именно в своем требовании.

Кроме того, именно через проблему требования можно объяснить целый ряд других разрушительных процессов в политике в ее речевом измерении — например, коллапс самого программного измерения политики, когда программы утрачивают как свою политически различающую, так и свою предписывающую роль — мы полагаем, что это тоже в конечном счете проявление кризиса требования. Ибо только там, где есть политика требований и коллективная способность требовать, есть политика программ и «выполненных обещаний», но не наоборот. (Заметим, что «обещание» — парадигматический перформатив — имеет в политике подчиненную роль и, будучи изолированным от измерения требования — например, замыкаясь в круге «предвыборные обещания — их невыполнение — новые предвыборные обещания», — известным образом деградирует до объекта насмешек, переходящих в недоверие к политике как таковой.)

Наконец, требование — выполненное или нет — находится в самом центре вопроса о *сопротивлении*.

Историческое замечание: в качестве известного проявления этого кризиса достаточно упомянуть коллапс требования в декабре 2011 года, когда уже после митинга на пр. Сахарова 23 декабря в Москве стало окончательно ясно, что никаких действий в обеспечение своих требований ни самоуполномоченные лидеры протеста, ни тогда еще существовавшие активистские организации совершать не будут, причем исчезновение базового требования перевыборов отмечалось лишь единичными наблюдателями. Главным же лозунгом протеста в тот момент вместо требований

стало знаменитое «Мы придем еще!», а главным вопросом — количество людей на очередных санкционированных митингах, которое лихорадочно подсчитывалось и сравнивалось с «официальными цифрами от МВД»; измерялось при этом, разумеется, именно абстрактное количество, а не то, на что эти люди были способны *как сила*.

Точно такая же неспособность требовать была очевидна во время попыток — подчас переходивших в симуляцию — протестов против т. н. «пенсионной реформы» летом 2018 года⁴; она очевидна и во время каждой очередной серии перманентного госпереворота, носящей название «фальсификации голосования». (Большие вдохновляющие и позитивные примеры успешных процессов требования в России XXI века, разумеется, тоже есть, но они относятся к позапрошлому десятилетию)⁵.

Но помимо обозначенных выше, есть и серьезные заблуждения на уровне теоретической речи о политике — а сегодня это почти исключительно университетская речь, — во многом сверхдетерминирующие нынешний кризис требования (кризис политических организаций состоит еще и в том, что они уступили университету ведущую роль в осмыслении политики). Например, это слишком большая роль, придаваемая *желанию* (и его провалам) и *воображению* (и его нехватке) в политике — в ущерб планированию и дедукции из принципов, которые политический субъект сам устанавливает для себя. Кроме того, это чрезмерное настаивание на *языке и коммуникативном обмене* как основании политики. Например, хорошо известен бесконечный разговор либеральных университетариев насчет «общего языка», который якобы «нам» — это всегда некие обобщенные и абстрактные «мы», чистые субъекты политического говорения — нужно выработать, чтобы «понимать друг друга», «думать о будущем страны»; или, в близком ключе, «изобретение новых языков», о которых еще недавно любили рассуждать политиче-

⁴ См. подробный отчет профсоюзного аналитика П. В. Бизюкова (Бизюков 2019), который, хотя и в смягченных формулировках, указывает на неспособность тогдашних протестующих обеспечить свои (очевидные и четко сформулированные) требования *процессами требования* — несмотря на имевшиеся возможности и благоприятные моменты.

⁵ Мы позволяем себе определенный критический и оценивающий, выходящий за рамки научного, тон потому, что политическая рефлексия всегда является рассуждением о возможном, а значит, и об упущенном возможном; и если в рассуждении об упущенном всегда есть доля resentment, в политической рефлексии это продуктивный resentment.

ски ангажированные поэты; это фиксация на символично-образной составляющей политики, а не на речевых актах.

Эстетическое ангажированное замечание: «Улица корчит-ся безязыкая — ей нечем кричать и разговаривать» — одна из наиболее политически лживых строчек русской поэзии: какой-то язык в распоряжении политики всегда есть — и это не ее собственный язык с опознаваемым словарем и синтаксисом; здесь стоит упомянуть не вполне тривиальный факт из истории рождения политики: после Солона политическая речь — это всегда проза.⁶ То есть нет никакой нехватки в языках, которую якобы должны восполнить в своих творческих лабораториях поэты и читающие их политические ученые. Чего действительно всегда не хватает — это политических речевых актов, ясных дескрипций, точных формул и связанных с ними действий.

Завершая список заблуждений, в результате которых требование оказывается на втором плане, а его рабочие свойства — смазанными — следует назвать преувеличенную веру в *перформативность критики*. А кроме того — *отделение* требования от ряда других политических действий, например от самопредъявления субъекта или от самовыражения, которые начинают мыслиться самостоятельно (вероятно, это отделение началось на практике еще в Париже 1968 года, со студентов, которые могли сражаться на баррикадах против полиции, но не могли сформулировать ни одного внятного набора требований; недавно в эксплицитном виде это отделение субъекта от становящегося почти ненужным требованием было сформулировано в книге о «перформативности собраний» буржуазной мыслительницы Джудит Батлер⁷). Но политический субъект предъявляет себя неразрывно со своими требованиями.

Поэтому, как всегда бывает полезно в случаях кризиса, следует постараться начать с начала, часто проговаривая самые банальные вещи; впрочем, когда речь идет о самой политике, а не об университетском дискурсе о политике, следует *уметь* повторяться, не стесняясь говорить *одно и то же*: политическая мысль не знает категории оригинальности.

⁶ Об этом см., напр.: Лоро 2021: 254, 273 и Loraux 1981: 16, 284–285 и др.

⁷ «Другими словами, сами формы собрания имеют значение еще до предъявляемых собравшимися требований и *помимо них*» и т.д. (Батлер 2018, курсив мой. — С.Е.). Ср. с формулой Аристотеля *dēmos egéneto* («народ/демократия возник...») в ее связке с *требованием* из Pol. 1301a, которую мы приводим ниже, в разд. 4.

Филологическое замечание: Здесь мы лишь упомянем об удивительной (архео)филологии требования и глагола «требовать», один список, простое перечисление лексем, в которых требование выражается в европейских языках, могло бы послужить небольшой статьёй в словаре непереводимостей Барбары Кассен. Достаточно взглянуть на греческий «*aitēō, apaitēō, exaitēō, aītēma, apaitēma*»; есть *dikaîōsis* — требование на основе права, и есть *khreía* — требование из нужды; *pleonektēō*, чрезмерно требовать, и, конечно, *axiōsis, axióō* (а в отдельных контекстах греки могли «требовать» с помощью глаголов *epeígō, prokalēō, keleúō*)

А кроме того, есть еще латинские *postulatum, postulatio, flagitatio*, новоевропейские *demand(e), domanda, claim, revendication, exigenza, exigence, réclamation*, что, разумеется, часто сбивает с толку переводчиков и тех, кто пользуется их продукцией. Иногда требование предстает в лексическом облике того, от чего его нужно тщательно отличать, желания: Макиавелли говорит о *desideri* народа там, где бы мы говорили о требованиях. Здесь мы не будем вдаваться в вопрос, о чем говорит такая необычайная вариативность для выражения базового политического речевого акта. Отметим лишь, что наиболее близким по концентрированности соответствием русскому «требованию», с нашей точки зрения, являются немецкие *Forderung* и *Verlangen*.

2. Первый подступ к логике требования: теория речевых актов. Первая задача формулируется на уровне лингвистики и философии языка — выделить собственное речевое действие и структуру требования и отличить его от близких иллокутивных актов, с которыми его можно смешать (нашей целью, однако, не является однозначная дефиниция требования на этом уровне). При этом постулаты и результаты теории речевых актов, разумеется, необходимо сопоставлять с конкретными данными о политическом функционировании требования, взятыми из политической истории, политических текстов и/или осмысления активистского опыта. И в случае с требованием первостепенной предварительной задачей будет тщательно отличить его от *приказа*.

И здесь обнаруживается обескураживающая вещь: теория речевых актов на сущностном уровне не различает *приказ* и *требование*: по крайней мере, по классификации, разработанной Джоном Сёрлом⁸ (являющейся переработкой и прояснением изначальной классификации Остина), они неразличимы по

⁸ См.: Searle 1976, а также фундаментальную итоговую работу Searle-Vanderveken 1985.

всем *трем базовым сёрловским* характеристикам иллюкутивного акта. Они совпадают:

1) по *illocutionary point*, т. е. по месту задачи и цели акта — относится ли оно к слушателю или к говорящему — по Сёрлу, в случае приказа и требования, «иллокутивная точка», очевидно, относится к слушателю, поскольку приказ и требование действуют на него;

2) по *direction of fit*, т. е. по «направлению приведения в соответствие» — слов к миру или мира к словам — по Сёрлу и приказ, и требование приводят мир к соответствию со словами;

3) по выражаемому психологическому состоянию, оно же — *sincerity condition*, условие искренности — по Сёрлу и приказ, и требование выражают желание, *desire* (тогда как *обещание*, к примеру, выражает намерение, *intention*).

Стоит заметить, что в некоторых других анализах сущностное отличие требования и приказа, например, от просьбы, видится исключительно в степени интенсивности, правда, с уточнением, что за приказом при этом стоит властный авторитет, чего нет в случае требования: «*Demands lack the authoritative backing of commands, but they are altogether too peremptory for requests*», — говорится в известной книге Ч. Хэмблина об императивах (См.: Hamblin 1987: 9).

Однако для этих неразличений несложно привести контрпримеры. В случае захвата заложников террористы, как правило, что-то *требуют* от властей, но заложникам они по большей части *приказывают* (не имея при этом никакого *authoritative backing*, требующегося для приказа по Хэмблину). При этом нельзя сказать, что приказ тогда следует понимать просто как требование в ситуации, когда адресат находится «в полной власти» требующего: опять же несложно представить себе эффективные приказы, когда у приказывающего вовсе нет такой власти над другим человеком, как у человека с оружием.

Несмотря на это, стоит сохранить это замечание Хэмблина о недостатке властного авторитета для требования: если приказ может осуществляться как с позиции силы и прямой угрозы насилия, так и с позиции признанной власти, то требования с позиции власти не бывает. *Требование не может исходить от власти, от государства*. Поэтому, когда протестующие на улице слышат звучащее из мегафона «подчиняйтесь законным требованиям сотрудников полиции», это, безусловно, *misnomer* и политический эвфемизм, ретуширующий проявление власти — на деле речь идет о приказах.

Лингвистико-философское замечание: Здесь обнаруживается еще одно, гораздо более важное неразличение: среди типов иллокутивных актов, которые выделил Остин, наиболее важными являются два: это *экзерситивы*⁹, представляющие собой «решение о том, что нечто должно быть так-то, в отличие от суждения, что нечто обстоит так-то», и *комиссивы*¹⁰, то есть обязательство и приверженность (*commitment*) говорящего к будущему действию — к тому, что он сделает нечто такое, чего еще не сделал. Сёрл в своей критике Остина переквалифицирует часть экзерситивов в новую, введенную им категорию *директивов*¹¹, ставя акцент на том, что они *нацелены на адресата*, и таким образом директивами у него оказываются приказ, указание, просьба, требование, совет, а образцовым комиссивом¹² (здесь Сёрл ничего не меняет у Остина) остается, понимается, обещание.

И вот, если приглядеться к политическому функционированию требования, оказывается, что в политике оно является *директивом*, и *комиссивом сразу*. Оно нацелено на другого, на адресата, на того, от кого требуют, *но само по себе* оно не совершает по отношению к этому другому никакого полного перформативного действия (в отличие, например, от обвинения), зато оно *обязывает* самого требующего.

Оно *требует от требующего быть требующим*, требует удостоверить в ходе процесса требования, что он действительно требующий. Но удостоверить это можно только дальнейшими действиями, так что действовать *требуется в первую очередь от*

⁹“An exercitive is the giving of a decision in favor of or against a certain course of action or advocacy of it...”, “a decision that something is to be so, as distinct from a judgment that it is so” (Austin 1962: 154)

¹⁰Как говорит Остин, “the whole point of a commissive is to commit the speaker to a certain course of action”. (Ibid.: 156). Сёрл добавляет: “Some of the obvious examples are: promise, vow, pledge, covenant, contract, guarantee, embrace, and swear” (Searle 1976: 7).

¹¹“The illocutionary point of these [directives] consists in the fact that they are attempts (of varying degrees, and hence, more precisely, they are determinates of the determinable which includes attempting) by the speaker to get the hearer to do something. They may be very modest «attempts» as when I invite you to do it or suggest that you do it, or they may be very fierce attempts as when I insist that you do it. The direction of fit is world-to-words and the *sincerity condition is want* (or wish or desire)”.

¹²“Austin’s definition of commissives seems to me unexceptionable, and I will simply appropriate it as it stands with the caveat that several of the verbs he lists as commissive verbs do not belong in this class at all, such as “shall”, “intend”, “favor”, and others. Commissives then are those illocutionary acts whose point is to commit the speaker (again in varying degrees) to some future course of action <...>. The direction of fit is world-to-words and the *sincerity condition is Intention*. The propositional content is always that the speaker S does some future action A” (Ibid., курсив мой — С.Е.).

требующего, а уже от его действий (или того возможного поля еще не осуществленных, но «угрожающих» действий, которое открывается в процессе требования) зависят выполнение или невыполнение требования адресатом.

Поэтому третий пункт Сёрла, условие искренности (*sincerity condition*), для требования — это, в первую очередь, отнюдь не желание, но *решимость*, которую можно было бы назвать «силой слабых» (к слову, вполне возможно активно участвовать в требовании того, чего субъект не желает, например, подчиняясь партийной дисциплине или из солидарности). Против *децизионизма* решения суверена в процессе требования на первый план выходит *резольюционизм* решимости милитанта. И эта решимость не может быть лишь внутренним психологическим настроем, по типу искренности, она либо проявлена вовне, либо ее нет. Требующий обязывается собственным требованием быть решительным, еще даже до решения вопроса о том, располагает ли он достаточными силами, чтобы требовать. Политическое требование требует от требующего не меньшего *commitment*, чем обещание.

В качестве исключительного случая, демонстрирующего, что решимость первична по отношению к силам, которыми располагает требующий субъект, можно привести бунты в колониях и тюрьмах (само наличие измерения требования там — в отличие от лагерей уничтожения — говорит о том, что есть некая политика в тюрьме и в колонии, хотя это вовсе не политика некой «голой жизни»; поэтому известное утверждение Шаламова о том, что «в лагере не было политических», не может считаться универсальным). В отличие от повстанцев, у заключенных, практически всегда обреченных на поражение при столкновении с внутренними войсками, нет вообще ничего, кроме предъявляемой ими решимости.

Итак, требование, не будучи сильным перформативом типа приказа, суверенного «я объявляю всеобщую мобилизацию»¹³ или «я объявляю чрезвычайное положение», требует не только своего исполнения от того, от кого требуют, но и восполнения собственной перформативной слабости делами требующего. *Это слова, после которых нельзя не действовать.* (Поэтому нет ничего

¹³ Этот пример недаром является центральным в анализе перформативных высказываний Бенвенистом (Бенвенист 1974: 307): за исключением обещания все «сильные» перформативы требуют власти для своей успешности. Отсутствие власти требующему и приходится восполнять своими деяниями.

бессмысленнее, чем список с требованиями, который зачитывают в конце согласованного митинга, когда пришедшие на него люди уже расходятся.)

То есть требование — это акт, налаживающий мост между *lógoi* и *érga*, которые, как известно читателям греческих текстов, часто разделяются противительными частицами *lógoi mèn... érgoì dè* — в этом противопоставлении выражалось родившееся вместе с самой политикой подозрение к тому, что две с половиной тысячи лет спустя один русский революционер будет презрительно называть «пустой фразой»: «пустая фраза» — это не денотативно пустые слова (они вполне могут быть верифицируемыми), но ни на чем не основанная вера в перформативность произносимого, в то, что язык сам совершит действия, которые должен совершить требующий.

В результате своих действий требующие приобретают реальные или виртуальные активы, позволяющие, например, иметь сильную позицию для переговоров (например, оккупированные студентами здания и т. д.).

Здесь можно натолкнуться на возражение: разве многие другие иллокутивные акты не требуют действий (или воздержания от действий), вроде того же обещания? Особенность политического требования в том, что если пропозициональное содержание (то есть то, *чего* требуют в случае требования, *что* приказывают в случае приказа, *что* советуют в случае совета: поднять зарплату, освободить политзаключенных, изменить конституцию и т. д.) — это то, что требуют от адресата требования¹⁴, то от самого требующего требуются, в сущности, *какие угодно* действия, лишь бы они *удостоверяли его как требующего*, лишь бы они предъявляли его решимость, а значит, повышали планку возможных «*credible threats*», которые он собой представляет. Именно здесь требующему открывается относительно широкий репертуар действий, которые могут быть неожиданными для того, от кого требуют; то есть именно здесь открывается некое поле для техники и для *искусства* требования.

Итак, теория речевых актов может дать отчет о политическом требовании, но только если она допустит его смешанную, двойную природу, его одновременную нацеленность на адресата и адресанта, а также содержащийся в каждом политическом

¹⁴ Иными словами, если брать требование с точки зрения его обращенности к адресату, пропозициональное содержание в нем относится к акту требования так же, как и пропозициональное содержание обещания относится к обещанию. Ситуация меняется, когда требование рассматривается в его обращенности к требующему.

требовании активный призыв не ограничиваться «одним лишь» требованием.

3. Несколько замечаний о феноменологии требования, которая не учитывается теорией речевых актов, но может быть зафиксирована в реальных политических процессах.

В требовании адресат часто может быть опущен — причем не просто на языковом уровне. «Заводы рабочим, землю крестьянам», «Вся власть Советам!» или «Вся власть народу!» несомненно являются требованиями, а не обещаниями, но они имеют форму латинского *Fiat!* (Да будет так!) и на уровне дейксиса *не обращены ни к какому второму лицу, которое могло бы их выполнить*, — как если бы это мог сделать только сам требующий во времени *future antérieure* (например, когда он «возьмет власть»).

Требование (как заведомо невыполнимое, так и нет) может быть *нацелено на уничтожение того*, от кого требуют, но не в том смысле, что автоматическим следствием невыполнения (а иногда и выполнения) определенного «невыполнимого» требования оказывается политическое убийство, а в том, что невыполнение требования *политически* уничтожает противника. «Вся власть Советам!» — это не требование, обращенное к Временному правительству, чтобы то его выполнило, это требование, имплицитное его свержение как политически излишней для демократии Советов инстанции.

Успешность политического требования — *не обязательно его выполнение*, что выводит его за рамки простой дихотомии *felicity/infelicity*. Невыполненное справедливое требование может сделать требующего *политически сильнее*, разумеется, если он действительно показал себя в процессе требования — требующим.

Существуют требования, записанные в программах и базовых декларациях, — то, что политический субъект требует как будто бы «всегда». Но на деле такие записанные требования, несмотря на всю свою важность, сами по себе обычно не представляют собой никаких определенных актов и процессов требования, подчиняющихся конкретным политическим логике и динамике.

«Подлинное» требование в акте своего озвучивания запускает время, *отсчет*. Есть некий телеологический финитизм, в чем-то похожий на «мессианическое время», ускорившееся и устремленное к своему концу¹⁵. И его сущностной характеристикой

¹⁵Мы имеем в виду, разумеется, анализ мессианического времени в Агамбен 2018; также см. Margamao 2020 (1992) — важную работу, где понятие *kairós* (благоприятного момента, самого-времени-чтобы) рассматривается на более широком уровне.

является радикальная *антипрокрастинация*. Откладывание любого действия, которое возможно и необходимо совершить сегодня, всегда является губительным для процессов требования. Именно за это оставшееся время требующий и должен доказать, что он — требующий.

Историческое замечание 2: Разумеется, если бы протестующие против «пенсионной реформы» (и их самоуполномоченные лидеры) в 2018 году действительно намеревались добиться хотя бы части своих целей, им *нужно* было выходить на улицы прямо во время Чемпионата мира по футболу, обеспечив себе очевидную медийную поддержку в глазах внешних наблюдателей, а не откладывать вначале до конца чемпионата, а потом и до сентября. Темпоральный режим требования — это неотложность, базовая ленинская временная модальность¹⁶.

Хотя для требований постоянно открываются возможности, каждое конкретное требование, каждая его новая секвенция не переносит ритуализации и монотонного повторения. Если действия по обеспечению требования сводятся к декларациям «мы придем еще», к пикетам по выходным — то это они перестают быть процессом требования. Невыполненное требование требует *следующего шага*, который должен отличаться от предыдущих *хотя бы интенсивностью*, если не качеством. Часто этот шаг должен быть непредвиденным.

Требование избегает формализации в юридической процедуре (но, как мы предполагаем, не в логической, несмотря на множество свободных параметров, которые необходимо настраивать). Но не исключено, что именно эта негативная характеристика требования — т. е. невозможность его формализации — и сохраняет вот уже 2500 лет возможность эмансипационной и демократической политики. (Также см. ниже в разд. 5 о соотношении требования и права.)

Приказ (см. выше разд. 2) задействует *уже* существующие социальные отношения и иерархии; тот, кто исполняет приказ, очевидно, их сохраняет. Требование же может предъявить *нового* субъекта, например «жителей Волоколамска» или «защитников Шиеса», — существующего, правда, ровно столько, сколько живет их нынешнее или будущее требование.

Требование самым тесным образом связано с другим важней-

¹⁶ О неотложности как временной модальности профессионального революционера мы писали подробно, см.: Ермаков 2017. Также см. уже упомянутый важный отчет: Бизюков 2019.

шим политическим иллокутивным актом, с *призывом*, к слову, тоже — парадоксально, если к нему применить классификационную оптику Сёрла, — сочетающим в себе черты «директива» (он обращен к другому) и «комиссива» (он обязывает в первую очередь себя). Как правило, призыв — это призыв к требованию или к действиям в ответ на неисполненное требование. Оба одинаково зависят не от искренности и не от желания (см. выше разд. 2), но от решительности, от *commitment*¹⁷. Как трактаты по технике и искусству призыва и требования можно читать некоторые ленинские статьи, например, «О бойкоте».

Требование требует сил, но оно способно и давать силы. Можно *коннотировать* силу требованием, а решимость может привлекать силы, которых у требующего или требующих изначально не было.

Требование позволяет провести рабочее различие между популизмом и народничеством: базовый иллокутивный акт популизма — это аккламация народному лидеру, базовый акт народничества — это требование¹⁸.

4. Второй подступ к логике требования: возможное и почти-невозможное. Известна *пороговая* важность т. н. «перехода от экономических требований к политическим» для политической борьбы и политической мысли начала прошлого века. Характерно, что этот переход мыслился как рост сознательности угнетенных классов, их *prise de conscience*. Т. е. политически сознательный человек — это *homo postulans* и даже *homo flagitans*, человек *настойчиво требующий*. *Postulo ergo sum* — такова формула политического сознания.

Сегодня, когда политические требования чаще всего неотделимы от экономических, и, как правило, не требуются больших

¹⁷ За рамками данного текста остается сложный вопрос о соотношении требования и желания в том виде, в котором теория последнего разрабатывается психоанализом. Соответственно, мы не будем здесь затрагивать и лакановскую теорию «требования-спроса» (*demande*, что А. Черноглазов изначально — например, в «Значении фаллоса» — переводил как «запрос»), где «требование» является частью тройной связки потребность-желание-требование. В любом случае, лакановское «требование» *не является* речевым актом (хотя оно, разумеется, может в нем «выражаться») и не предполагает своим обязательным условием никаких процессов требования, состоящих из действий, — того, что интересует нас здесь.

Отметим лишь, что, поскольку политическое и экономическое требование может одинаково требовать как «потребное», так и «желаемое», на сущностном для требования уровне базовое психоаналитическое различие оказывается нерелевантным.

¹⁸ См. по этому поводу Ермаков 2020: 164–165.

усилий, чтобы (например, в политической агитации) показать взаимосвязь «базиса» и «надстройки», необходимо — для начала на теоретическом уровне — предложить другие координаты порога требований, а значит, и вопроса о сознании.

Представляется, что в качестве достаточно широкой рамки можно предложить различие возможного и *почти-невозможного* и проработать условия перехода между ними: всегда можно требовать возможного; при определенных условиях и в определенные моменты можно требовать почти-невозможного; наконец, всегда можно работать над тем, чтобы требования возможного *продлевались* в требования почти-невозможного.

При этом не имеется в виду, что «экономическое» раньше занимало место возможного, а политическое — почти-невозможного; и возможное, и почти-невозможное были в политике *всегда*; речь лишь о том, чтобы заново — пускай и в абстрактных терминах — осмыслить границу и переход между разными уровнями требования. Освободительная политика, политика, связанная с сопротивлением, соответственно, должна в таком случае считаться прямым *имением дела с почти-невозможным*. Модальность почти-невозможного также позволяет ответить на актуальный для времени новейшего капитализма вопрос, чего же требовать в ситуации, когда нехватка часто или неочевидна, или, по крайней мере, не доходит до уровня серьезного противоречия¹⁹ — тем самым почти-невозможное не только позволяет назначить локальный (относящийся к данной конкретной ситуации) *максимум для возможного политического действия*, но и заново призывает к *мысли* в процессе требования — к мысли, не переходящей в утопию²⁰.

¹⁹ Здесь, однако, стоит сделать политико-эмпирическое замечание: никакой «нехватки нехватки», то есть нехватки того, чего можно требовать и что побуждает к требованию, в нынешние темные времена нет, эта проблема осталась в позапрошлом десятилетии; политически и экономически сегодня можно вновь радикально (и вполне прогрессивно) требовать многие «базовые вещи». Чего по-настоящему не хватает, так это решимости, *commitment* к требованию.

²⁰ Наша позиция отличается от позиции тех, кто, как С. Жижек, полагает лозунг «требования невозможного» вполне осмысленным и в современной глобальной ситуации (Жижек 2011: 289; следует, однако, быть осторожными при использовании этого «бутлегерского» издания). Даже если понятие невозможного релятивизировать, как это делает в данном случае автор, то есть считать невозможное невозможным *данной конкретной ситуации*, все равно на том «поверхностном» и практическом уровне, где мыслим требование мы, требование невозможного не становится от этого осмысленным речевым актом, требующим реальных действий. Требование невозможного делает бессмысленным мышление в категории максимума (например, максимума действия

Замечание, обосновывающее необходимость логики. Мы полагаем, что следует попытаться подобрать работающие математико-логические модели для модальности почти-невозможного — но не для того, чтобы в итоге получить какой-то учебник выигранных стратегий требования, подобный буржуазным учебникам для ведения т. н. «жестких» бизнес-переговоров (где иногда привлекается аппарат математической теории игр), а для получения формальных результатов, которые обеспечили бы любой процесс требования строгими принципами. И даже, возможно, некой имманентной политике этикой, содержащей ряд максим для требования в политике освобождения.

Модальность почти-невозможного даже при беглом взгляде на нее обладает рядом интересных, хотя и парадоксальных характеристик. Например, максимализация возможного в любой политической ситуации стремится к невозможному, т. е. к своей противоположности, однако нельзя просто поставить невозможное в качестве предела, к которому требование возможного бесконечно приближается: в почти-невозможном нечто от невозможного всегда уже есть. Вопрос о том, есть ли здесь некая диалектика перехода, или скорее есть *fuzzy set*, нечеткое множество, где возможное и невозможное неким образом накладываются друг на друга, на данный момент является открытым. Так или иначе, почти-невозможное представляется самостоятельной модальностью, требующей специального анализа. (Перспективной представляется попытка применить концепцию *сопряженных модальностей* (*adjoint modalities*), с помощью которой известный математик Уильям Ловер попытался придать строгий логико-математический смысл гегелевской идее «единства противоположностей»²¹).

Разумеется, рассуждая о категории почти-невозможного следует не забывать как об известном *bon mot* про политику как «искусство возможного», так и о бесславно знаменитом лозунге парижских студентов «*Soyez réalistes, demandez l'impossible*»,

и возможного результата), любой максимум коллапсирует внутри невозможного. В то же время категория почти-невозможного сохраняет максимумы и даже позволяет политически усвоить урок математики, которая, различая *наибольший* и *максимальный* элементы, показывает, что в определенных ситуациях могут быть *несколько* разных максимальных элементов.

²¹Подробнее см. соответствующую статью (с библиографией) в онлайн-энциклопедии, посвященной математической теории категорий: <https://ncatlab.org/nlab/show/adjoint+modality> (Дата посещения: 28.06.2022).

который помнят все, хотя едва ли кто теперь вспомнит, чего же именно невозможного, как и от кого они требовали.

В связи с этим последним лозунгом, перефразируя латинское выражение, можно уверенно утверждать, что *impossibilium postulatio nulla est*, требование невозможного ничтожно: в отличие от почти-невозможного оно ни к чему не обязывает *ни* требующего, *ни* того, от кого требуют, и не создает в случае своего невыполнения выгодную для требующего ситуацию попранной справедливости. (Вопрос о соотношении абстрактной категории невозможного и «практической» категории неисполнимого остается открытым.)

Добавим, что почти-невозможное — это не некая золотая середина между «просто возможным» и «по-настоящему невозможным», но особая модальная ситуация, имеющая некие аналогии в маллармеанском броске костей, который «никогда не отменит случая» (тогда как этот случай отменяется и просто возможным, и просто невозможным²²).

Политико-философское замечание: Разумеется, образцовым требованием почти-невозможного в истории политики освобождения является требование «Вся власть Советам!»; о почти-невозможном говорит статья «Почему в Китае может существовать Красная власть» Мао, но вопрос о почти-невозможном можно обнаружить и в классической мысли, например, в знаменитом отрывке о равенстве и неравенстве из «Политики» 1301a. Здесь «нормальное» требование частичного, *kat' analogían*, равенства расширяется демократами до требования полного (*haplós*) равенства. Тем не менее это расширенное²³ требование не является простым невозможным, хотя идеолог умеренности Аристотель и относит его к ошибочным (*hamartanóntōn*): у этого требования есть логическое основание и четко очерченная область практического применения — это равенство в политическом участии (*metékhōsi tēs politeías*). Попутно заметим, что формулировки Аристотеля подтверждают наше утверждение о том, что политический субъект «рождается» вместе со своим требованием: *dēmos egéneto*, говорит Аристотель, демос-демократы-демократия²⁴ по-

²² Ср. прочтение «Броска костей» в «Бытии и событии» Бадью; перевод этой главы «Бытия и события» см. в Ермаков 2022.

²³ В соотношении между возможным и почти-невозможным есть некая аналогия лемме Цорна, при определенных условиях гарантирующей, что у частично упорядоченного множества *есть максимальный элемент*. Т. е. если в политической ситуации дано некоторое возможное, при определенных условиях в ней дано и почти-невозможное.

²⁴ Известная многозначность слова *dēmos*, а также то, что в 1301b Аристотель говорит уже исключительно о *dēmokratía*, позволяют по-раз-

является *вместе* с этим требованием почти-невозможного полного равенства. И, как неоднократно отмечалось, *dēmos* здесь не требует для себя большего, чем для других, всего лишь «ровно такого же» — однако в этом и состоит *максимальное требование* равенства. Оно нацелено на максимум в ситуации, в отличие от олигархов, чьи требования как раз-таки «чрезмерны», о чем говорит глагол *pleonekteîn* (Аристотель четко противопоставляет *axioūsi metékhein* демократов и *pleonekteîn zētoūsin*²⁵ олигархов), но именно они и не касаются этого почти-невозможного максимума, оставаясь строго *частными*.

На пути логики требования стоит одна существенная трудность: почти-невозможное нельзя мыслить пробабилистским образом, *по крайней мере, в первом такте*. Вероятностному мышлению уступает даже Арндт: свобода, точнее свободное действие, кладущее новое начало, бесконечно маловероятно, но все же возможна²⁶ — это близко пробабилистскому определению «*almost never*», возможного с нулевой вероятностью, — по контрасту здесь видно несовпадение между категориями вероятного и возможного: возможное может быть возможным независимо от своей вероятности. Разумеется, опытный политический активист просчитывает вероятности при планировании того или иного действия, того или иного высказывания. Но его базовой категорией остается (почти-не)возможное, исходно не зависящее от вероятности. Почти-невозможное связано с аксиомами и принципами субъекта, тогда как вероятность говорит о смысле, осмысленности действия. (В определенном смысле вероятность — это и есть смысл, мир вероятностен, поэтому он осмыслен.)

Две милитантные цитаты: «Мы не требуем ничего невозможного. Мы прекратим наши акции против врагов народа только тогда, когда наши требования будут выполнены», — гласит заявление «Фракции Красной Армии» о взрыве в здании пропагандистского медиаконцерна в Гамбурге в 1972 году²⁷. Отметим это *nichts Unmögliches*, так отличающееся от наивной фразеологии

норму прочитать эту синтагму. Однако в любом случае речь идет о политическом субъекте.

²⁵ Требуют причастности [к делам города]/стремятся к избыточности [к преобладанию] (*греч.*).

²⁶ Мы отсылаем к известным утверждениям из заключения эссе «О свободе» (см.: Арндт 2014: 256–257).

²⁷ Sprengstoffanschlag auf das Springer-Hochhaus in Hamburg. Erklärung vom 20. Mai 1972. См.: Rote Armee Fraktion 1997: 147.

деятели Мая-68, но, что еще важнее, это заявление показывает, что радикальность действия является функцией *не* какого-то горизонтного нарратива об идеальном граде, коммунизме и мировой революции, но функцией твердого *commitment* к конкретным требованиям здесь и сейчас.

И вторая, казалось бы наивная и пафосная цитата, где тем не менее прекрасно видна связка требования, решимости, действий, а также вопроса о максимуме в требовании: «Глубоко убежденный социалист, он знает тем не менее, что социальная революция требует долгой подготовительной работы, которая не может иметь места в стране рабства. И потому, скромный и решительный, он уступает необходимости и *ограничивает на время свои требования, чтобы снова расширить их, когда придет пора*. Пока же у него только одна цель: уничтожить ненавистный деспотизм и, давши своей родине то, что давно уже имеют все цивилизованные народы мира, — политическую свободу, предоставить ей возможность твердым шагом двинуться дальше по пути к всестороннему освобождению»²⁸.

5. Требование и право. Именно требование вводит измерение справедливости. В уже упомянутом отрывке «Политики» 1301a именно возможность *axiōsis* открывает разговор о равном, об экспансии равенства и даже о справедливости равенства.

Требование политически *первичнее* права, даже естественного. Это было прекрасно известно позитивистам, видевшим в требовании угрозу чистому праву со стороны *политического* субъекта. Георг Еллинек: «Не случайно то, что все революции новейшего времени происходили под знаменем естественного права. Естественное право по существу есть не что иное, как *совокупность требований [Gesamtheit der Forderungen]*, предъявляемых изменившимся с течением времени обществом или отдельными классами его к правотворческим силам»²⁹.

Ему вторит Кельзен: «На самом деле борьба идет даже не по вопросу о месте юриспруденции в научном знании и о связанных с этим следствиях, как могло бы показаться, — борьба идет по вопросу об отношении правоведения к политике, о четком отделении одного от другой, об отказе от глубоко укоренившейся привычки от имени правоведения, то есть с помощью обращения к определенной объективной инстанции, *отстаивать те политические требования*, которые не могут не иметь в высшей степени субъективного характера даже тогда, когда они совер-

²⁸ См.: Степняк-Кравчинский 1987: 361, курсив мой — С. Е.

²⁹ Еллинек 2004: 343, курсив мой — С. Е.

шенно искренне выступают как религиозный, национальный или классовый идеал»⁵⁰.

Поэтому любое, даже т. н. правовое, и даже в первую очередь правовое, государство стремится исключить пространство требования, ограничить его тем или иным вариантом права «*petition the Government for a redress of grievances*» — правом не требовать, а подавать жалобу. Требование же возникает там, где легальная сфера уже некоторым образом дала серьезный сбой. Политические требования, разумеется, *далеко не всегда* незаконны — и к искусству требования относится умение использовать писаное право в свою пользу — вопреки процитированным юспозитивистам — но они точно так же никогда до конца не обеспечены легальностью.

Возьмем, к примеру, ст. 33 Конституции России: «Граждане Российской Федерации имеют право *обращаться* лично, а также направлять индивидуальные и коллективные *обращения* в государственные органы и органы местного самоуправления». Требование — и обязательная реакция на него — в этом диспозитиве не предусматривается. Государство может до поры до времени *терпеть* процессы политического требования, но никогда не будет гарантировать хоть какие-то процедуры их выполнения. *У требования нет процедуры*, но, как уже было сказано в разд. 3, именно поэтому со времен Клифена существует демократическая политика.

Поэтому требование сущностно связано с *учреждающей властью*.

Макиавеллианское замечание: В «Истории Флоренции», III, 1 в ходе вполне традиционного рассуждения о справедливости «разумных» и несправедливости и вреде чрезмерных требований (*desideri*) народа (*popolo*) Макиавелли говорит одну важную вещь: выполнение народного требования может привести — приводило в Риме, но не во Флоренции — к возрастанию общего могущества города⁵¹. Иными словами, процесс требования в классовой борьбе — это далеко не всегда игра с нулевой суммой, где у одних становится больше на столько же, на сколько у других меньше. Кроме того, что тем самым подчеркивается творческая составляющая требования, так часто выходившая на первый план в Новое время, это также позволяет отвечать на

⁵⁰ Кельзен 2015: 4, перевод слегка изменен, курсив мой — С.Е.

⁵¹ «Такое положение вещей приводило еще и к тому, что победы римского народа укрепляли в нем доблесть <...> и город в усилении доблести черпал все новое и новое могущество». Макиавелли 1987: 103, перевод слегка изменен.

властную критику несправедливости того или иного «чрезмерного» требования, как раз-таки исходящую из абсолютизации гипотезы «нулевой суммы».

Политическое насилие *должно мыслиться и судиться только в связке с требованием*. «Само» насилие молчит, но, вопреки Арендт и другим прекрасным душам, оно может обеспечить возможностью сам акт высказывания и наделить его действительностью. Оно не только принуждает к молчанию, но и позволяет говорить. Разбиение связки насилие+требование, выделение некоего чистого насилия ведет к катастрофе конкретной политической мысли. Стоит заметить, что при массовом терроре государство никогда открыто не озвучивает четкие требования, выполнив которые, гражданин гарантированно не стал бы жертвой и избежал репрессий. Т. е. при массовом терроре без требований насилие, как правило, является только государственным, но не политическим (что, разумеется, не отменяет возможности насилия на службе у преступной политики и несправедливых требований).

Требование *нерепрезентативно*. Поэтому в ситуации современных сетевых *требующих* мобилизаций (например, протесты «желтых жилетов» во Франции) государственные власти часто вынуждены сами искать/конструировать репрезентантов. Но вопрос о требовании — это не вопрос о том, кого представляют и даже «кто за этим всем стоит», но именно о том, *кто* требует. Требование *нельзя делегировать*. Его могут *высказывать* делегаты, но работающее здесь «представительство» принципиально отлично от нормального функционирования репрезентативных (неважно, коррумпированных или нет) систем. Делегаты — это лишь часть тех, кто обеспечивает *commitment* требованию. Как мы уже подчеркивали, субъект требования и процесс требования коэкстенсивны; вопрос о «кто?» требования оказывается здесь расщепленным: кто — это не просто «рабочий» со всеми сопутствующими социальными дескрипциями, но также и действующий человек, который уже остановил конвейер и может (а может и не) угрожать дальнейшими действиями.

Наиболее мощной субъективной опорой требования является, разумеется, непарламентская политическая организация. Она — то, что обеспечивает стойкость в требовании. Если говорить в классических терминах «привнесения сознания», то именно она привносит дисциплину требования, то *postulo*, что является политическим аналогом *cogito*. Организация — место политического существования свободных для требования

людей. В принципе, парламентская партия тоже может стать требующей — но тогда она приобретает черты политической организации и с каждым новым шагом требования выходит из парламентского поля. (Можно сказать, что парламент — действительно не место для серьезных требований.) Место требования не совпадает с местом «предвыборного обещания» и ответственности за его исполнение/неисполнение. Обещание — когда оно хоть сколько-нибудь серьезно — обычно дается из обеспеченного легитимностью и легальностью места — они-то и обеспечивают возможность его не исполнять. Обещание ближе к государству, оно непосредственно отсылает к его механике.

В таком случае может ли инсургентная организация вообще обещать? — Да: но только в форме и в акте своего требования.

Библиография

- Агамбен, Джорджо (2018). *Оставшееся время: комментарий к Посланию к Римлянам*. М.: Новое литературное обозрение.
- Арендт, Ханна (2014). *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли*. М.: Издательство Института Гайдара.
- Аристотель. *Политика*. Греческий текст цит. по: Aristoteles (1959). *Politics*. Loeb Classical Library 264 [1932]. London: William Heinemann Ltd..
- Батлер, Джудит (2018). *Заметки к перформативной теории собрания*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Бенвенист, Эмиль (1974). *Общая лингвистика*. М.: Прогресс.
- Бизюков, Петр (2019). «Протесты против повышения пенсионного возраста 2018 г., как особый вид трудовых протестов». *Мониторинг трудовых протестов*. <http://www.trudprotest.org/2019/07/08/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8B-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2-%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BE/> Дата посещения: 27.06.2022.
- Еллинек, Георг (2004). *Общее учение о государстве*. СПб.: Юридический центр Пресс.
- Ермаков, Сергей (2017). «Биохронополитика: Ленин глазами Агамбена». *Синий Диван. Философско-теоретический журнал под ред. Елены Петровской*. № 22: С. 46–66.
- Ермаков, Сергей (2020). «Апокалиптическое народничество или Чем опасен Агамбен». В книге: Агамбен Д. *Stasis. Гражданская война как политическая парадигма*, 127–188. СПб.: Владимир Даль, 2020..
- Ермаков, Сергей (2022). «Эффект надежды (перевод главы «Малларме» из «Бытия и события» Алена Бадью)». *Диалог искусств. Журнал Московского музея современного искусства*. № 2 (2022): 62–69.
- Жижек, Славой (2011). *Размышления в красном цвете*. М.: Европа.
- Кельзен, Ганс (2015). *Чистое учение о праве*. 2-е изд. СПб.: Алет-Пресс.
- Лоро, Николь (2021). *Разделенный город: забвение в памяти Афин*. М.: Новое литературное обозрение.
- Макиавелли, Никколо (1987). *История Флоренции*. 2-е изд. М.: Наука.
- Степняк-Кравчинский, Сергей (1987). *Сочинения в 2 томах*. Т. 1. *Россия под властью царей. Подпольная Россия*. М.: Художественная литература.

- Austin, John Langdshaw (1962). *How to do things with words*. Oxford: Oxford University Press (рус. изд. Остин, Джон (1999). *Избранное*. М.: Идея-Пресс/Дом интеллектуальной книги).
- Hamblin, Charles Leonard (1987). *Imperatives*. Oxford: Basil Blackwell.
- Lazarus, Sylvian (1996). *Anthropologie du nom*. Paris: Seuil.
- Loroux, Nicole (1981). *L'invention d'Athènes. Histoire de l'oraison funèbre dans la "cité classique"*. Paris & La Haye: Éd. de L'ÉHÉSS/Mouton.
- Marramao, Giacomo (2020). *Kairós. Apologia del tempo debito. Nuova edizione ampliata* [1992]. Torino: Bollati Boringhieri.
- Milner, Jean-Claude (2011). *Pour une politique des êtres parlants. Court traité politique* 2. Paris: Verdier.
- Rote Armee Fraktion (1997). *Texte und Materialien zur Geschichte der RAF*. Berlin: ID-Verlag.
- Searle, John Rogers (1976). "A Classification of Illocutionary Acts". *Language in Society* 5, No (Apr. 1976): 1–23.
- Searle, John Rogers, Vanderveken Daniel (1985). *Foundations of Illocutionary Logic*. Cambridge: Cambridge University Press.

Sergey Ermakov

*Independent researcher, translator, philologist (M.A.),
E-mail: yermakovsa@gmail.com*

Several Theses Toward a Logic of Political Demand

Abstract:

This article focuses on the concept of demand, understood as a fundamental political speech act. We can discern that “demanding” speech, and thus political speech in general, has been in a situation of crisis in recent decades. This article demonstrates the linguistic-pragmatic properties of the demand and the specificities of its political functioning, in particular that the demand is a “weak” performative act, which does not occur at the moment of its “utterance.” Demand is here considered to be the main link between political speech and action. The article proposes the concept of the “almost-impossible” as a fundamental modality for emancipatory politics and sketches out some coordinates for future research in this area.

Keywords:

Demand, speech act theory, appeal, political speech, political struggle, emancipatory politics

References

- Agamben, Giorgio (2005). *The Time That Remains: A Commentary on the Letter to the Romans*. Trans. Patricia Dailey. Stanford: Stanford University Press.
- Arendt, Hannah (2006). *Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought* [1961]. London: Penguin Books.
- Aristotle (1959). *Politics*. Loeb Classical Library 264 [1932]. London: William Heinemann Ltd.
- Austin, John Langshaw (1962). *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press.
- Benveniste, Emile (1971). *Problems in General Linguistics*. Miami: University of Miami Press.
- Bizyukov, Petr (2019). “Protesty protiv povysheniya pensionnogo vozrasta 2018 g., kak osobyiy vid trudovykh protestov” [The 2018 Protests Against the Raising of the Pension Age as a Distinct Type of Labor Protest]. *Monitoring trudovykh protestov*

- [Monitoring Labor Protests]. <http://www.trudprotest.org/2019/07/08/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8B-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2-%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE/> Date accessed: 27.06.2022.
- Butler, Judith (2015). *Notes Toward a Performative Theory of Assembly*. Cambridge: Harvard University Press.
- Ermakov, Sergey (2020). “Apokalipticheskoe narodnichestvo ili Chem opasen Agamben” [Apocalyptic Narodism, Or What’s Dangerous About Agamben?]. In *Stasis: Grazhdanskaya voyna kak politicheskaya paradigma* [Stasis: Civil War as a Political Paradigm], trans. D. Granovskiy. St. Petersburg: Vladimir Dal’.
- Ermakov, Sergey (2017). “Biokhronopolitika: Lenin glazami Agambena” [Biochronopolitics: Lenin Through the Eyes of Agamben]. *Siniy Divan. Filosofsko-teoreticheskiy zhurnal pod red. Yeleny Petrovskoy* [Blue Couch. A Philosophical-Theoretical Journal Edited by Elena Petrovskaya]. № 22: С. 46–66.
- Ermakov, Sergey (2022). “Effekt nadezhdy (perevod glavy “Mallarme” iz “Bytiya i sobytiya” Alena Bad’yu)” [The Effect of Hope (A Translation of the Chapter ‘Mallarmé’ from Alain Badiou’s Being and Event)]. *Dialog iskusstv. Zhurnal Moskovskogo muzeya sovremennogo iskusstva* [Dialogue of the Arts. The Moscow Museum of Modern Art Journal], № 2 (2022): 62–69.
- Hamblin, Charles Leonard (1987). *Imperatives*. Oxford: Basil Blackwell.
- Jellinek, Georg (2004). *Obshchee uchenie o gosudarstve* [General Theory of the State]. Trans. Sergey Iosifovich Gessen. St. Petersburg: Legal Center Press.
- Kelsen, Hans (2005). *Pure Theory of Law*. Second Edition, trans Max Knight. Clark: The Lawbook Exchange, Ltd.
- Lazarus, Sylvian (2015). *Anthropology of the Name*. Trans. Gila Walker. Kolkata: Seagull Books.
- Loraux, Nicole (2006). *The Divided City: On Memory and Forgetting in Ancient Athens*. New York: Zone Books.
- Loraux, Nicole (2006). *The Invention of Athens: The Funeral Oration in the Classical City*. Trans. Alan Sheridan. New York: Zone Books.
- Machiavelli, Niccolò (1988). *Florentine Histories*. Trans. Laura F. Banfield and Harvey C. Mansfield, Jr. Princeton: Princeton University Press.
- Marramao, Giacomo (2007). *Kairos: Towards an Ontology of ‘Due Time.’* Trans. Philip Larrey and Silvia Cattaneo. Aurora: The Davies Group, Publishers.
- Milner, Jean-Claude (2011). *Pour une politique des êtres parlants. Court traité politique 2* [For a Politics of Speaking Beings: A Short Political Treatise 2]. Paris: Verdier.
- Rote Armee Fraktion [The Red Army Faction] (1997). *Texte und Materialien zur Geschichte der RAF* [Texts and Materials on the History of the RAF]. Berlin: ID-Verlag.
- Searle, John Rogers (1976). “A Classification of Illocutionary Acts.” *Language in Society* 5, No. 1 (Apr. 1976): 1–23.
- Searle, John Rogers, Vanderveken Daniel (1985). *Foundations of Illocutionary Logic*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Stepnyak-Kravchinskiy, Sergey (1885). *Russia Under the Tzars, Vol. I. Trans.* William Westall. London: Ward and Downey.
- Žižek, Slavoj (2009). *First as Tragedy, Then as Farce*. New York & London: Verso.